

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

«Жизненное пространство» в контексте психологии повседневности: к 130-летию Курта Левина*

М. С. Гусельцева

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

Для цитирования: *Гусельцева М. С.* «Жизненное пространство» в контексте психологии повседневности: к 130-летию Курта Левина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. Вып. 1. С. 8–23. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.101>

Психология повседневности — одно из активно развивающихся направлений современной российской психологии. Ведущими теоретико-методологическими источниками ее развития выступают на общенаучном уровне знания история, антропология и социология повседневности, на конкретно-научном уровне — психопатология обыденной жизни З.Фрейда, теория поля К.Левина, психологическая концепция Х.Томэ. Востребованность идей именно К.Левина обусловлена сегодня трансформациями современности, выводящими на передний план вопросы социокультурной динамики и множественной мотивации личности, столкновения ценностей и осознанного выбора субъектом жизненного пути, становления идентичности в изменении жизненных ситуаций и разнообразия стилей жизни в усложнившемся обществе. Повседневность неоднородна и гетерогенна, в ней представлена динамика видимого и невидимого, реального и ирреального, современного и архаического. Для обнаружения постепенных и незаметных изменений зачастую необходимо сменить методологический инструментарий, и конструкты К.Левина здесь имеют довольно высокую эвристическую ценность. Понятие «жизненное пространство» в контексте психологии повседневности позволяет сконфигурировать различные аспекты развития человека в ситуации социокультурных трансформаций, где социальное пространство может быть как поддерживающим, так и подавляющим, а сферы частного и публичного,

* Статья подготовлена на основе выступления на симпозиуме «Психология жизненного пространства (К 130-летию Курта Левина)» 21.10.2020 г. (СПбГУ). Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-013-00075-А «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

персонального и профессионального смешиваются, утрачивая нормативные границы. Культурно-психологическое время в общем географическом пространстве для людей и сообществ протекает по-разному, что не только создает риски потенциальных конфликтов, прочерчивая пунктиры разломов социальной ткани, но и ставит проблему языка описания, способного совместить номотетический (выявляющий тенденции и закономерности) и идиографический (направленный на анализ уникальных случаев) дискурсы. Сходные методологические и социально-политические проблемы решал К. Левин. Утверждается, что его подход продуктивен для диагностики и терапии культурно-психологических травм российского общества, а конструкты — для описания текущих трансформаций современности. Подчеркивается, что стратегия «действенного исследования» К. Левина близка социальному конструктивизму, присущему российской интеллектуальной традиции, позволяя осмыслить деятельность психолога в свете решения задач гуманизации общества и системы образования.

Ключевые слова: жизненное пространство, психология повседневности, субъект, трансформации современности, методология.

Курт Левин (1890–1947) — выдающийся представитель неклассической психологии XX в., теоретик, творец оригинальных методологических идей и остроумных психологических экспериментов, один из основателей американской социальной психологии и конфликтологии, человек уникального жизненного опыта, отразивший его в сравнительном анализе двух культур, образец научной чести и профессионального достоинства ученого [1–4]. Современность идей К. Левина подчеркивается едва ли не каждым исследователем, обратившимся к изучению его творческого наследия. Непостижимым образом его мысль не только не устаревает, но, кажется, востребована в наши дни даже больше, нежели в первой половине XX в.

Цель статьи — раскрыть творческое наследие К. Левина в свете проблем и текущих задач психологии повседневности, продемонстрировав актуальность его идей конкретными примерами. По своему жанру статья представляет интерпретацию работ К. Левина, фокусируя близкие автору этих строк методологические позиции, ценности и смыслы.

Психология повседневности как направление российской психологии

Психология повседневности представляет собой активно развивающееся в наши дни направление российской психологии [5–10]. Среди теоретико-методологических предпосылок ее развития следует выделить общенаучный и конкретно-научный уровни познания: в сфере социогуманитарных наук это прежде всего история повседневности, антропология повседневности и социология повседневности; со стороны непосредственно психологической науки — психопатология обыденной жизни Зигмунда Фрейда (Sigmund Freud, оригинальное название основополагающей работы: *Zur Psychopathologie des Alltagslebens*, 1901), теория поля Курта Левина (Kurt Lewin, *Field Theory*, 1930-е гг.) и развившая некоторые идеи последнего психологическая концепция Ханса Томэ (Hans Thomae, *Alltagspsychologie*, 1960-е гг.).

Представляется, что актуальность психологии повседневности и ее интенсивное развитие связаны с глобальными трендами гуманизации жизненного пространства и индивидуализации жизненных стратегий [11]. Такие проблемы психологии

повседневности, как интеграция и дифференциация мыслительного поля, охватывающего широту и нюансы взаимодействий человека и мира; множественность слоев человеческого бытия против целостности жизни; становление идентичности против текучести и ситуативности психического, разнообразия пространств активности субъекта; переживание полноты настоящего против воссоздаваемого памятью прошлого и творимого воображением будущего; смешанность частного и публичного, личного и профессионального, экзистенциального и рутинного в жизненном мире субъекта; индивидуализация жизненных стратегий против глобальной трансформации ценностей и новой социальности, — весь этот круг проблем требует методологических решений, обращающих психологию к трансдисциплинарности, к сравнительному изучению истории и современных течений культуры. Именно в этой познавательной ситуации наследие К. Левина выступает важным источником для развития психологии повседневности.

Под повседневностью в порядке рабочего определения было предложено понимать текущую изо дня в день реальность человеческой жизни [6]. Эта реальность разворачивается во множестве ситуаций, сменяющихся контекстов, в различных слоях и на разных уровнях бытия. Конструкт К. Левина «жизненное пространство» играет здесь интегрирующую роль, позволяя охватить и движение, и полноту взаимоотношений человека и мира [12–14]. Таким образом, жизненное пространство создает целостность бытия субъекта во множестве ситуаций, касающихся социокультурной динамики и мотивации личности, столкновения ценностей и осознанного выбора субъектом жизненного пути, усложнения и нормативного разнообразия в современном обществе. Мир, с которым субъект имеет дело сегодня, раскрывается преимущественно на языке изменений и предстает *как воля к трансформации* — в том смысле, что собственная активность субъекта в преобразовании жизненной среды играет гораздо большую роль, чем это осознается непосредственно акторами и инициаторами действий.

В одном из недавних выступлений И. Д. Прохорова, рассуждая о культурных практиках современности и том, как меняется отношение людей к своему жизненному пространству, будь то региональные или экологические движения, отметила, что сейчас *нет инструментария, чтобы отслеживать эти трансформации* [15]. Представляется, что искомым инструментарием способна выступить методология К. Левина. Его исследовательский подход неожиданным образом резонирует с современностью, откликаясь на такие вызовы, как трансдисциплинарность, текучесть, гибридность, открытость к коммуникациям, преодоление разрывов между теоретической и прикладной наукой, идиографическим и номотетическим способами познания.

Трансдисциплинарность и проблемы трансформации границ

Для истории психологии К. Левин прежде всего психолог, однако сегодня его работы выходят за пределы психологии в пространство социогуманитарных наук. Особенно актуальным в связи с текущими трансформациями культуры представляется изучение динамики видимого и невидимого, реального и ирреального, современного и архаического, а также дифференциация тенденций, как способствующих, так и противодействующих изменениям [12–14].

Конструкт К. Левина «жизненное пространство» в контексте психологии повседневности позволяет соединить разные аспекты развития человека в ситуации социокультурных трансформаций, где социальное пространство может быть как поддерживающим, так и подавляющим, а сферы частного и публичного, персонального и профессионального смешиваются, утрачивая нормативные границы. Примером последнего служит описание текущей социокультурной ситуации социологом К. Гаазе: «Пандемия снесла последние перегородки между рабочим и свободным временем, временем досуга и праздности, оставшиеся в наследство от индустриальной эпохи, и уничтожила обеспечивающую безусловность этой границы автономию частного пространства» [16, с.302]. «Оказалось, что вне пространственной проекции труда — вне рабочего места — делить труд и праздность не так просто» [16, с. 320].

Текучесть и смешанность — ключевые характеристики пространства, окружающего современного человека. В этом пространстве можно встретить как жесткость, так и проницаемость границ, а субъективное восприятие создает предпосылки для творчества воображаемых идентичностей. «Только через изменение социальной перцепции могут быть осуществлены изменения в социальных действиях человека», — писал К. Левин [12, с. 186]. Его идеи о значимости субъективной интерпретации ситуации¹ послужили предпосылкой формулировки теоремы У. Томаса (W. Thomas) в социологических исследованиях: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» (цит. по: [17]). Именно субъективное социальное творчество формирует пространство повседневности.

Важную роль в концепции К. Левина играли представления о границах. Эта тема также оказалась крайне актуальна для XXI в., когда в методологии началось обсуждение феномена исчезновения дисциплинарных границ и с этим связаны представления о трансдисциплинарности [18]. В геополитическом пространстве современности речь идет о прозрачности и преодолении региональных границ для одних социальных групп, в то время как для других групп эти границы, напротив, становятся еще более жесткими, что свидетельствует о расхождении воображаемых реальностей, например о различном жизненном пространстве *нативистов* и *глобалистов* (такие определения разным жизненным стратегиям в современном мире дал И. Крастев (И. Кръстев)²).

¹ «В любой ситуации мы ведем себя в соответствии с тем, как мы ее воспринимаем, и наше восприятие распространяется на две различные области этого поля — на факты и ценности» [12, с. 186].

² В наши дни происходит пересмотр представлений о реальности, концептуальных моделей и терминов, описывающих современность. Так, в книге «После Европы» болгарский интеллектуал И. Крастев указал на изменение ведущих категорий, успешно описывавших политическую действительность в XX в., но теперь это описание не совпадает с дифференциацией сообществ и идентичностей в современности. На смену левым и правым, либералам и консерваторам пришли нативисты и глобалисты, характеризующиеся соответственной простотой или сложностью мировосприятия. Эти группы отличаются между собой типами идентичности. Глобалисты более мобильны, они — активные деятели и авторы собственной жизни. Их уверенность в собственном будущем основана на профессионализме и качестве образования, именно эти факторы дают им возможность чувствовать себя комфортно в новых местах и с новыми людьми. Нативисты же характеризуются не мобильной, а стабильной идентичностью, которая зиждется на принадлежности к конкретному месту и к определенной группе, а изменения вызывают у них неуверенность и тревогу [19].

В этой связи важно отметить, что в свое время К. Левин предупреждал о необходимости избегать двух крайностей: с одной стороны, *империализма* как стремления навязывать всему миру собственные представления и ценности, а с другой — *изоляционизма* как уклонения от межкультурного сотрудничества и планетарной ответственности.

В контексте обсуждаемой темы обратим внимание на только что вышедший сборник статей [20], где представители социальных наук обсуждают текущие трансформации культуры, связанные с изменениями *пространственных границ* между домом и офисом и *темпоральных границ* между рабочим временем и временем досуга. Это те изменения, которые практически каждый человек переживает сегодня в собственной повседневной жизни. Однако подход К. Левина позволяет вовремя распознать и тем самым существенно снизить риски зарождающихся в этой новой конфигурации повседневности конфликтов.

Обратимся к показательному материалу из статьи К. Гаазе, отметившего, что «пандемия пересобрала социальное время таким образом, что контраст между образом жизни богатых и бедных» сделался «визуально нарочитым» [16, с. 318]. Это означает возникновение в обществе нового расслоения — «более динамичного, более подвижного неравенства», где «у одних нет свободного времени, но есть зарплата, у других нет зарплаты, а есть маленькое безусловное пособие, но масса свободного времени» [16, с. 321]. Далее последует пространный, но заслуживающий внимания фрагмент: «Пандемия заново провела границы между праздностью богатых и праздностью бедных, в том числе в прямом смысле слова — границы государств. Раньше считалось, что для жителей развитых стран все границы открыты, были бы деньги на дешевый билет. Разница между туризмом богатых и бедных состояла как будто в нюансах. Тут Мальдивы и Сардиния, а здесь — Таиланд и Кипр. На Мальдивы летают на частных самолетах, а в Таиланд — на чартерах или дискаунтерах. Ну и что? Оказалось, что разница есть, да еще какая. Небо и море вместе с границами остаются закрытыми для регулярных рейсов и чартеров. Но бизнес-авиация, как и дорогие яхты, по-прежнему там, на свободе. Право на путешествие как форму праздности опять становится привилегией богатых» [16, с. 323].

К. Гаазе прогнозирует рост социального напряжения, складывающийся не только из новой конфигурации сообществ, но и *визуализации их повседневности*. «Соппротивление, которое нам пока трудно представить, возникнет не из неудобства, а из эстетического шока от контраста между жизнью богатых и бедных. Тех, у кого есть имение, чтобы пересидеть на удаленке очередной карантин, и тех, у кого есть 40 метров на семью для того же самого. Тех, кто может летать по миру в биологически безопасных, дорогих и комфортных самолетах, и тех, кто будет копить на бензин, чтобы раз в несколько лет съездить в дорожное путешествие на машине, которая эти несколько лет будет стоять в гараже, потому что по работе ездить больше никуда не надо. Тех, у кого есть профессиональная прислуга, и тех, кто доплачивает соседям за присмотр за детьми. Массовые протесты в США летом 2020 г. — картинка не из прошлого, не повторение революции 1968 года, а привет из будущего, где дорогие магазины и центральные площади будут еще более недоступны для большинства, чем сейчас. Сейчас их разрушают в связи с одним из наиболее унижительных видов неравенства, из-за неравенства цвета кожи. Завтра и спустя

10 лет таких же и даже еще более унижительных новых неравенств будет с десяток в любой стране глобального севера» [16, с. 324–325].

В приведенных фрагментах четко зафиксированы постковидные изменения качества жизни разных социальных групп: *депривация экологического пространства* как невозможность пройтись по саду и парку, подышать свежим и чистым воздухом и т. п.; и *депривация мобильности* — ограничение передвижений и путешествий для большого числа людей. Методология К. Левина позволяет здесь сработать на опережение, отрефлексировав пунктиры намечающихся конфликтов. Не утратила значимости и идея выявления в социокультурном пространстве факторов, как способствующих манифестации кризисов, так и позволяющих их избежать [14]. «До пандемии считалось, что развитые страны придерживаются ценностей развития и прогресса, а вот страны бедные и развивающиеся, в число которых входит и Россия, сконцентрированы на ценностях безопасности и сбережения или сохранения. Пандемия показала, что весь мир приемлет сверхценность безопасности. А “в минуту роковую” демократические государства берут на себя те же ограничительные функции, которые обычно приписываются авторитарным политическим моделям, и в части введения ограничительных мер действуют очень похожим образом. Отличия обнаруживаются, когда дело доходит до мер поддержки. ... Современная экономика — это экономика услуг. <...> В современном мире на первый план выходит не производство, а потребление. Значит, обеспечение безопасности и прямое материальное стимулирование — раздача денег гражданам... — является рациональным, если ориентироваться не на показатели этого квартала или года, а на экономический рост в будущем» [21, с. 225].

Иными словами, демократические системы оказываются не только более гуманными и заинтересованными в качественном образовании, развитии и поддержке своих граждан, но и более устойчивыми: это системы со сдержками и противовесами, а значит, и с эффективным механизмом разрешения социальных конфликтов на длинной дистанции. Прочитывая в этом контексте работы К. Левина, приходишь к выводу, что наиболее продуктивным путем гармонизации персонального развития и социальной жизни является *завершенная социокультурная модернизация*.

Незавершенные социокультурные модернизации и проблема коммуникации

Анализ перехода от авторитарного режима к демократическому занимал важное место в поздних работах К. Левина [12–13], и его концепция стилей лидерства возникает именно в этом контексте. Если с позиции политических наук демократия исследуется в качестве системы управления и распределения власти, то на языке психологии демократия означает субъектность, личную ответственность и практики гражданского участия как антагонисты состояния «выученной беспомощности»³. К. Левин отмечает здесь факт, который нередко упускают из виду российские реформаторы, а именно: на пути к демократии недостаточно

³ Выученная беспомощность (learned helplessness) — феномен, обнаруженный в экспериментах М. Селигмана (M. Seligman); состояние пассивности, вызванное неудачными попытками изменить к лучшему негативную ситуацию или неблагоприятные условия среды [22].

институциональных изменений, также недостаточно подготовить лидеров, но *необходимо показать людям преимущества демократии в их повседневной жизни*.

Помимо этого, К. Левин выделяет факторы, обуславливающие незавершенность процессов модернизации и даже некоторый реставрационный откат. Он показывает, что трансформации одного аспекта культуры невозможны без перестройки всей системы. «Попытка изменить какой-либо один элемент системы только спровоцирует ситуацию, в которой влияние всех прочих элементов восстановит прежнюю целостную модель» [12, с. 173]. А чтобы изменения были устойчивыми, необходимо их закрепление в практиках повседневности.

Небольшие работы К. Левина начала 1940-х гг. [12–13] построены на изучении конкретных кейсов, однако те наблюдения и выводы, которые он сделал, позволяют во многом объяснить и наши сегодняшние трансформации культуры, но главное — предупредить о возможных рисках и указать пути решения проблем. Важную роль в изучении развития субъектности в контексте социокультурной динамики играет представление о *неоднородности современности* и наличии в ней разных социальных групп, культурно-психологическое время которых протекает различно, несмотря на общность географического пространства.

Изучавший как супружеские конфликты, так и межкультурные взаимодействия, К. Левин стоял у истоков конфликтологии в качестве отдельной дисциплины [2]. Сегодня же непреходящую актуальность разработки проблематики социальных конфликтов демонстрируют две книги, затрагивающие такую тему современности, как *расколотое общество*: с одной стороны, по линиям социальных и гражданских конфликтов, с другой — различия исторической памяти.

Так, сборник работ венгерских авторов вводит конструкт «холодная гражданская война» [23], описывающий социокультурную атмосферу постсоветских стран, не исключая и российскую современность⁴. В свою очередь недавно опубликованная книга Н. Эппле посвящена проблемам исторической памяти [25]. Автор приходит к выводу, что «объективной реальности прошлого не существует» [25, с. 11], поскольку ее основой служит субъективная память. «То, что кажется понятным и очевидным в одной перспективе, далеко не всегда остается таковым в другой. <...> Память, разделенная даже на уровне одной семьи, — результат молчания о прошлом, отсутствия возможности и желания искать общий язык для разговора о нем. <...> Различаются не только и не столько оценки прошлого, сколько само восприятие реальности. По сути, люди <...> живут в странах с разной историей или даже в разных странах, очертания которых на карте совпадают лишь в силу какой-то ошибки» [25, с. 11–12].

Таким образом, с одной стороны, неоднородность и гетерогенность социокультурного пространства современности, а с другой — подвижные границы табуированного и сакрального создают риски потенциальных конфликтов, прочерчивая линии разломов социальной ткани, а также ставят проблему языка описания, спо-

⁴ Писатель Д. Л. Быков передает следующий характерный эпизод: в 1972 г. М. Шолохов вместе с сыном «смотрели телепередачу, посвященную 50-летию окончания Гражданской войны, сын его спросил: “Как по-твоему, когда закончилась Гражданская война?” Шолохов долго пыхтел трубкой и сказал: “Она, сынок, не закончилась”. Это ответ человека, написавшего “Тихий Дон”... Россия всегда в силу своей географии, в силу своей истории, в силу своей сословной структуры находится в состоянии гражданской войны» [24].

собного совместить номотетический (выявляющий тенденции и закономерности) и идиографический (направленный на анализ уникальных случаев) дискурсы.

Сходные методологические и социально-политические проблемы решал К. Левин. В одной из его статей, посвященной проблемам меньшинств, встречается метафорический конструкт «почва», означающий укорененность человека в социальном пространстве [12, с.293]. В наши дни современность нередко предстает как довольно тонкий слой почвы над дремлющими вулканами разного рода конфликтов — этнических, национальных, гражданских. Во многом это обусловлено тем, что культурно-психологическое время в общности географического пространства протекает различно для разных людей и сообществ. Так, например, проблемам неоднородности социокультурного пространства России посвящены работы экономического географа Н.В.Зубаревич [26]. В свою очередь Е.В.Дзякович в диссертационном исследовании отмечает: «Общую ситуацию в коммуникативном пространстве регионов России можно охарактеризовать как *коммуникативную недостаточность*. Значительная часть людей (как молодежи, так и взрослых) не включена в региональные коммуникативные пространства. <...> Во многих случаях отсутствует чувство укорененности в окружающем пространстве» [27, с.24]⁵.

Между тем, согласно К. Левину, наиболее важную роль в разрешении и профилактике конфликтов играет именно *проблема коммуникации*. В своих социально-психологических исследованиях он заметил, что если мы хотим, чтобы система ценностей некой социальной группы изменилась, необходимо разговаривать с этой группой на ее языке. Эта идея весьма актуальна для оздоровления российского политического пространства, где считается, что демократия не востребована обществом, в котором демократы или либералы представляют собой якобы меньшинство. Однако проблема не в том, что они *являются* меньшинством, а в том, что это своего рода замкнутое сообщество, не ищущее общего языка, чтобы создать Мы-идентичность с другими социальными группами. Тогда как для последних демократические или либеральные ценности могут отторгаться в риторике, но оказываются востребованы на уровне жизненных практик.

Таким образом, именно наблюдения за повседневной жизнью выявляют готовность значительной части российского общества к демократии, что выражается в запросах на гражданское участие, реализуется в волонтерской деятельности, в мотивации жертвовать средства на разного рода акции⁶, а также идти наблюдателями на выборы, даже вопреки определенному риску, связанному в наши дни с такого рода активностью. Однако и здесь встает проблема языка, позволяющего или не позволяющего коммуницировать разным политическим группам, которые

⁵ В исследовании Е. В. Дзякович в качестве основы для формирования региональной идентичности рассматривалось текущее коммуникативное пространство, включающее доступные средства коммуникации, локальные сообщества, межличностные контакты. В ходе исследования был выявлен феномен *локальной идентичности*, которая не всегда совпадает с официальными границами региона, однако «четко фиксируется местным населением на рациональном, эмоциональном и поведенческом уровнях» [27, с.9].

⁶ Отмечу произошедшее уже после написания этой статьи показательное событие: всего за пару часов в стриме «Помощь помогающим» (https://youtu.be/h9_sRKPf8DA) собрали внушительную сумму средств для «ОВД-инфо», «Апологии протеста» и «Медиазоны», что свидетельствует о латентной поддержке гражданами тех движений и практик, которые в силу разных обстоятельств не фиксируются социологическими службами.

рассеяны в социальном пространстве и в отсутствие общего дискурса попросту не опознают друг друга. А ведь, по сути дела, готовая программа действий предложена в небольшой работе К. Левина и его соавтора П. Граббе (P. Grabbe) «Модели поведения, понимание и принятие новых ценностей» (1945) [12, с. 179–196]. На эту работу сегодня имеет смысл смотреть как на пошаговые практики достижения согласия в расколотом обществе.

Таким образом, подход К. Левина, примененный в контексте психологии повседневности, позволяет сфокусироваться на диагностике и терапии культурно-психологических травм российского общества. В одной из работ К. Левин рассуждает о возможности *экспериментальной культуральной антропологии*, направленной на то, чтобы работать с изменениями системно [12, с. 149]. Он показывает, что если изменения были незначительными и не привели к кардинальной перестройке системы, то она еще сильнее откатит назад. И эта модель для диагностики проблем российской действительности представляется более продуктивной, нежели метафоры «колеи» или особой ментальности.

В свою очередь, происходящие в наши дни трансформации субъектности и субъективности оказываются гораздо раньше видны через динамику социокультурного пространства, нежели опознаются привычными психологическими и социологическими методами. Такой подход обращает психологию к исследованиям культуры, к изучению малых и малозаметных культуральных движений. Именно их интерпретация нередко позволяет предсказать грядущие изменения социальных норм и ценностей [11]. Те движения, за которыми, на мой взгляд, следует наблюдать сегодня — это пресловутая *новая этика* (в разнообразии и противоречивости ее тенденций) и феноменология сетевой самоорганизации. Так, анализу культуральных трендов в пространстве сетевых коммуникаций посвящена книга Г. Дженкинса (H. Jenkins) «Конвергентная культура», в которой посредством конкретных историй создается целостная картина [28]. Г. Дженкинс рассматривает *фанатские культуры* «в качестве своеобразного ренессанса старой народной культуры, случившегося в ответ на изменения характера массовой культуры» [28, с. 56]. Он изучает культуральные изменения, обращаясь к самоорганизации молодежных сообществ, объединяющих так называемых фанатов⁷ — читателей «Властелина колец» и «Гарри Поттера», зрителей «Матрицы» и «Звездных войн» и т. п. Предмет его внимания — дети, примеряющие на себя разные модели воображаемых идентичностей, участвующие в коллективных проектах поиска и сотворения знания, сравнивающие системы художественных миров, обсуждающие этические проблемы, выявляющие взаимосвязи между контентом, иными словами, занимающиеся «низовым»⁸ (народным) культуральным творчеством. «Фанатская культура обнаруживает, что утопическое измерение в популярной культуре — это место для создания альтернативной культуры» [28, с. 21].

Феномен, который Г. Дженкинс назвал *конвергентной культурой*, по сути дела является продуктом самоорганизации. Наиболее ярким примером здесь служит проект Х. Лоувер, создавшей сетевую подростковую газету *The Daily Prophet*. «Участ-

⁷ Здесь они представлены малыми культуральными движениями: «Дети, получающие удовольствие от чтения книг, до сих пор остаются небольшой группой в рамках школьной популяции» [28, с. 245].

⁸ Ср.: «низовая модернизация» [29].

ники проекта хотели лучше разобраться в мире Гарри Поттера через освоение пространства Хогвартса» [28, с. 247]. В ходе же реализации проекта в качестве побочного действия возникли ролевая игра, практики самопознания, развивающее общение, производство нового контента и т. п. «Особенно впечатляет в этом проекте то, что он реализуется вне школы, вне малейшего контроля со стороны взрослых. Здесь сами дети обучают других детей тому, что делает их полноправными участниками конвергентной культуры. Все чаще профессиональные педагоги сталкиваются с результатами обучения в этих неформальных и досуговых пространствах. В результате им приходится признать существенные ограничения, накладываемые на детей традиционными образовательными нормами, способными оценить только то, что может быть оценено с помощью стандартизированных тестов» [28, с. 247].

Таким образом, сетевая самоорганизация создает *пространство свободного движения* (еще один актуальный конструкт К. Левина), в котором происходит рождение новых практик и норм, смыслов и ценностей, а также снятие ограничений, налагаемых рамками официальной культуры.

Действенные исследования К. Левина и традиции российской психологии

Весьма актуальной продолжает оставаться стратегия действенных исследований К. Левина [12, с. 366–386], которая близка интеллектуальной традиции российской психологии: достаточно вспомнить идеи формирующего эксперимента или принцип творческой самодеятельности [30]. К действенной психологии следует также отнести усилия российских психологов на nive образования [31]. Именно в этой связи хотелось бы обратить внимание на высказывание К. Левина о том, что «легче социуму изменить образовательную систему, чем образованию изменить систему общественных отношений» [12, с. 108]. Иными словами, перемен лишь в образовании недостаточно, если не перестраивается система всей жизни, если эти перемены не затрагивают прежде всего повседневные практики. Также, согласно К. Левину, любой реформаторской деятельности, организации образовательного процесса или осуществлению социальных действий должен предшествовать *скрупулезный анализ социокультурной ситуации*.

Действенные исследования предполагают социальные действия, однако начинаются они с того, что К. Левин назвал полевыми исследованиями, а сегодня можно обозначить *этнографией* и *антропологией повседневной жизни*. Так, в сравнительном анализе немецкой и американской культур [12, с. 106–147] К. Левин показал, что разный культуральный контекст меняет представление о демократии. «Одни и те же слова могут иметь совершенно различное значение в разных странах» [12, с. 110]. Иными словами, изменения приживаются тогда, когда обращаются к гражданам на языке их культуры.

Относительно проблем социализации подрастающих поколений К. Левин справедливо отметил, что окружающая среда воздействует на ребенка сильнее, нежели методики обучения, содержание учебных программ и отдельные воспитательные эпизоды. И в этом контексте он выделяет такой важный параметр, как *свобода*, доказывая, что «степень свободного движения» является ключевой характеристикой любой ситуации обучения. «Пространство свободного движения — это простран-

ство, в рамках которого возможны изменения, — подчеркивает Н. В. Гришина. — За его пределами — то, что недоступно (в данный момент) для индивида. Ограничивающими человека являются два типа факторов — это, во-первых, его собственные ограничения» [32, с. 136], связанные, согласно К. Левину с недостаточностью образования, развития или одаренности. «Во-вторых, это социальный фактор — ограничивающие человека запреты, существующие в сообществе или создаваемые ближайшим окружением, воздвигающие “динамический барьер” между человеком и его возможными желаниями» [32, с. 136].

Ни в коей мере не ставя цели противопоставить данные конструкты, тем не менее трудно избавиться от мысли, что *пространство свободного движения* более соответствует идеалам современного демократического общества, нежели подспудно содержащая ключевую метафору эпохи советского авторитаризма *зона ближайшего развития*. К. Левин отмечал, что для установления демократического порядка необходима трансформация ценностей: *ценности личности должны стать приоритетнее надличных*, таких как государство, нация, политика, наука. Гражданское мужество — это способность оказать сопротивление бездумному приказу, потому что гораздо более важной задачей является «научить детей независимости, а не подчинению» [12, с. 152].

Заключение. Актуальность творческого наследия К. Левина

В заключение еще раз отмечу моменты, свидетельствующие, на мой взгляд, об актуальности творческого наследия К. Левина.

Во-первых, методология К. Левина воспитывает привычку смотреть на социальную жизнь, на повседневность, на состояние культуры как на динамическое поле, где разворачиваются, с одной стороны, силы развития, изменения и модернизации, с другой — противодействующие им силы, а у системы есть как минимум два состояния: *периоды динамического равновесия* и *периоды трансформации*. В каждом из периодов действует своя логика, и то, что годится для анализа динамики индивидов и групп, не подходит для понимания трансформаций культуры. Эта имплицитная модель сопоставима как с учениями о смене парадигм, где выделяют нормальный и революционный периоды развития науки, так и с представлениями современной синергетики. Иными словами, это знание, которое *вышло за пределы психологии и стало трансдисциплинарным*, и в этом, на мой взгляд, основа его современности.

В работе 1946 г. «Действенное исследование и проблемы меньшинств» К. Левин упомянул о симфонии социальных наук, таких как психология, социология и культуральная антропология, предсказывая будущее интегрального подхода к изучению динамики человека и мира [12, с. 366–386]. Его методология действенных исследований преодолевает пресловутый разрыв между теоретической и прикладной наукой. К. Левину также удастся соединить исследовательские микро- и макростратегии: обращаться к частным случаям, но делать обобщения, пригодные для анализа самых разных ситуаций.

Следующий момент — это новаторские для психологии конструкты К. Левина, которые восполняют нехватку терминологии при описании текущих трансформаций. Социальная перцепция, поле (термин, который сегодня также ассоциируется с трудами П. Бурдьё (P. Bourdieu) [33]), когнитивные структуры, ценности, анализ

мотивационных конфликтов, ситуативность, конфигурации и констелляции сил — это современный язык психологии изменений. Термин «текучесть» К. Левин использовал еще до того, как он вошел в современные публикации и стал вирусным уже с легкой руки З. Баумана (Z. Bauman) [34].

Важными мыслями К. Левина представляются его идея о приоритетности работы с подростками, ибо их «культуральные паттерны будут доминировать в следующем поколении» [12, с. 159], а также о *влиянии образов будущего на социальное самочувствие*, поскольку их мотивирующая сила служит значимым фактором приближения позитивных перемен. В свою очередь дефицит этих образов будущего есть то, что не дает совершиться даже уже назревшим и подготовленным изменениям.

В работе «Реконструкция культуры» (1943) К. Левин [12, с. 148–159] показал то, что в социальных науках стали понимать гораздо позже (и тем самым предвосхитил популярное на рубеже XX–XXI вв. интеллектуальное движение «*культура имеет значение*» [35]): переход от авторитаризма к демократии происходит не столько на уровне институтов и даже подготовки лидеров, сколько на уровне психологии, т. е. социальной перцепции и повседневных поведенческих практик. Отсюда же проистекают определенная ответственность и гуманитарная миссия психологической науки.

Методология К. Левина — *методология участия и гражданской ответственности*. У него есть небольшая и удивительная работа «Перед лицом опасности» (1939) [12, с. 310–323], начинающаяся предупреждением, что мировое сообщество балансирует между миром и войной. В этой работе (уже зная, что произойдет в истории XX в. в дальнейшем) мы обнаруживаем провидческие и психологически точные слова: «Дружелюбие — неадекватный ответ агрессору» [12, с. 320]. К. Левин не только критикует политику умиротворения агрессора, но показывает ее ошибочность именно с психологической стороны. Он замечает, что «стыдно и глупо по-дружески разговаривать с человеком», стремящимся тебя уничтожить [12, с. 321]. Для такого противника дружественный тон звучит лишь как трусость и слабость. *Неразумно попустительствовать агрессии, демонстрируя дружелюбие, ибо это поощряет вседозволенность*. Это предупреждение К. Левина актуально и столетие спустя, когда малые и агрессивные сообщества с архаическими представлениями о сакральном, мигрируя в иное социокультурное пространство, пытаются отменить, например, такие завоевания европейской цивилизации, как критическое мышление и свободу слова.

В новой планетарной ситуации, где гуманистически ориентированные сообщества доверчивы и излишне расслаблены в силу повседневной привычки к дискуссиям, договоренностям и сотрудничеству, а не открытым конфликтам, полезно помнить слова К. Левина о важности *быть нетерпимым к нетерпимости*. «Нетерпимость к существованию таких “нетерпимых” культур — вот необходимое условие для воцарения мира между народами» [12, с. 151]⁹.

⁹ Ср. с *парадоксом терпимости* К. Поппера (K. Popper) (1945 г.), показавшего, что сохранение толерантности требует нетерпимого отношения к нетолерантным. Иными словами, неограниченная толерантность ведет к исчезновению толерантности. «Если мы безгранично терпимы даже к нетерпимым, если мы не готовы защищать терпимое общество от атак нетерпимых, терпимые будут разгромлены» [36, с. 328]. «Таким образом, во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей или возрождению работорговли» [36, с. 329].

И наконец, последнее. С позиции трансдисциплинарности и интегрального подхода прочитывание одних психологических концепций через другие нередко усиливает и развивает эти идеи. Так, психология К. Левина сияет новыми красками, когда мы раскрываем ее положения через иные конструкты — например через *принцип творческой самодеятельности* С. Л. Рубинштейна. В творческой деятельности рождается творец. В демократических практиках рождается демократия. Таким образом, нет более прямого пути к творчеству и к демократии, чем расширение этих практик в собственном жизненном пространстве, в своей повседневной жизни.

Литература

1. Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М.: МГУ, 1981.
2. Гришина Н. В. Курт Левин: жизнь и судьба // Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. С. 6–99.
3. Леонтьев Д. А., Патяева Е. Ю. Курт Левин — методолог научной психологии // Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 3–20.
4. Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020.
5. Гришина Н. В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнетворчество» // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1505-grishina56.html> (дата обращения: 28.10.2020).
6. Гусельцева М. С. Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 51. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1387-guseltseva51.html> (дата обращения: 28.10.2020).
7. Марцинковская Т. Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html> (дата обращения: 28.10.2020).
8. Нартова-Бочавер С. К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 15–26.
9. Орестова В. Р. Кино и психология повседневности // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1498-orestova56.html> (дата обращения: 28.10.2020).
10. Хорошилов Д. А. Археология повседневности и социальное познание // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 6. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html> (дата обращения: 28.10.2020).
11. Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
12. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
13. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
14. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
15. Миф об империи: культурные практики современности: [видеозапись дискуссии] / Прохорова, Гусейнов, Аронсон, Миллер // Шанинка / Shaninka. Загл. с титул. экрана. Оpubл.: 2020. 9 Oct. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bwPC0dHUXG4> (дата обращения: 27.10.2020).
16. Гаазе К. COVID-19 и будущее свободного времени // Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе и др. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 301–325.
17. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса) // Socioline.ru [Электронный журнал]. 2008. 9 февраля. URL: <http://socioline.ru/node/828> (дата обращения: 29.10.2020).
18. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015.
19. Крастев И. После Европы. М.: Дело, 2018.
20. Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
21. Шульман Е. М., Беспалова Н. Nation States в условиях пандемии // Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе и др. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 216–230.

22. Seligman M. Helplessness: On Depression, Development, and Death. San Francisco: W. H. Freeman, 1975. URL: <https://archive.org/details/helplessnessonde00seli> (дата обращения: 29.10.2020).
23. «Холодная гражданская война». Раскол венгерского общества: сборник статей / под ред. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
24. «Дилетантские чтения» с Дмитрием Быковым: [видеозапись лекции] // Nevex.TV. Загл. с титул. экрана. Опул.: 2018. 26 Dec. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3701411.html> (дата обращения: 28.10.2020).
25. Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
26. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
27. Дзякович Е. В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2011.
28. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.
29. Низовая модернизация. Могут ли общество и государство двигаться в разных направлениях? / сост. К. Рогов // InLiberty: [Электронный журнал]. 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/> (дата обращения: 04.01.2019).
30. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 88–96.
31. Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
32. Гришина Н. В. Психология изменений: методологические предложения Курта Левина // Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 124–148.
33. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
34. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
35. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
36. Поннер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона. М.: Культурная инициатива, 1992.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2020 г.;
рекомендована в печать 10 декабря 2020 г.

Контактная информация

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; mguseltseva@mail.ru

“Life space” in the context of psychology of everyday life: To the 130th anniversary of Kurt Lewin*

M. S. Guseltseva

Psychological Institute, Russian Academy of Education,
9, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. “Life space” in the context of psychology of everyday life: To the 130th anniversary of Kurt Lewin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, vol. 11, issue 1, pp. 8–23. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.101> (In Russian)

The psychology of everyday life is one of the actively developing areas of modern Russian psychology. The leading theoretical and methodological sources of its development are history, anthropology and sociology of everyday life at the general scientific level of knowledge. Sources at the specific scientific level are the psychopathology of everyday life by Sigmund

* The article was prepared on the basis of a speech at the symposium “Psychology of Life Space (For the 130th anniversary of Kurt Lewin)” October 21, 2020 (St. Petersburg State University). The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project 20-013-00075-A “A person in everyday life: psychological phenomenology and patterns”.

Freud, the field theory of Kurt Lewin, and the psychological concept of Hans Thomaе. The demand for the ideas of Lewin is determined today by transformations of modernity, bringing to the fore the issues of socio-cultural dynamics and polymotivation of an individual, the clash of values and the subject's conscious choice of a life path, formation of identity in changing life situations, and diversity of lifestyles in a complicated society. Everyday life is multi-layered, variegated, and heterogeneous. It presents the dynamics of the visible and invisible, real and surreal, modern and archaic. To detect gradual and imperceptible changes, it is often necessary to change the methodological toolkit. Lewin's construct of "life space" in the context of the psychology of everyday life allows one to configure various aspects of human development in a situation of sociocultural transformations where social space can be both supportive and suppressive, and the spheres of private and public, personal and professional, mix. This results in a loss of normative boundaries. Cultural-psychological time in a common geographic space flows differently for people and communities, which not only creates risks of potential conflicts by drawing fault lines in the social fabric, but also poses the problem of a description language capable of combining nomothetic (revealing trends and patterns) and idiographic (directed analysis of unique cases) discourses. Lewin solved similar methodological and socio-political problems. It seems that his approach is very productive for the diagnosis and treatment of cultural and psychological trauma in Russian society. In the article, it is emphasized that the strategy of Lewin's "action research" is close to the social constructivism of the Russian intellectual tradition, which makes it possible to comprehend the work of a psychologist as a solution to the problems of humanizing society and the education system.

Keywords: life space, psychology of everyday life, subject, transformations of modernity, methodology.

References

1. Zeigarnik B. V. *Kurt Lewin's personality theory*. Moscow, Moscow State University Press, 1981. (In Russian)
2. Grishina N. V. Kurt Lewin: life and fate. In: Lewin K. *Resolving Social Conflicts*. St. Petersburg, Rech Publ., 2000, pp. 6–99. (In Russian)
3. Leontiev D. A., Patyaeva E. Yu. Kurt Lewin — methodologist of scientific psychology. In: Lewin K. *Dynamic psychology*. Moscow, Smysl Publ., 2001, pp. 3–20. (In Russian)
4. Grishina N. V., Kostromina S. N. (eds). *Life Space in Psychology: Theory and Phenomenology*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020. (In Russian)
5. Grishina N. V. Everyday behavior: life style, everyday creativity and life design. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 56, p. 2. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n56e/1509-grishina56e.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)
6. Guseltseva M. S. Everyday life psychology: methodology, history and perspectives. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 51, p. 12. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n51e/1399-guseltseva51e.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)
7. Martsinkovskaya T. D. Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 56, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n56e/1508-martsinkovskaya56e.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)
8. Nartova-Bochaver S. Human environments as a source of stress and a resource to overcome it: returning to the psychology of everyday life. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2019, vol. 40, no. 5, pp. 15–26. (In Russian)
9. Orestova V. R. Cinema and psychology of everyday life. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 56, p. 5. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n56e/1512-o> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)
10. Khoroshilov D. A. Archaeology of everyday life and social cognition. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 54, p. 6. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n54e/1465-khoroshilov54e.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)
11. Gusel'tseva M. S. *Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes*. Moscow, Akropol' Publ., 2019. (In Russian)
12. Lewin K. *Resolving Social Conflicts*. New York: Harper and Brothers Publ., 1948; Rus. ed.: St. Petersburg, Rech Publ., 2000. (In Russian)

13. Lewin K. *Field Theory in Social Sciences: Selected theoretical papers*. Ed. by D. Cartwright. New York, Harper and Row, 1951; Rus. ed.: St. Petersburg, Rech Publ., 2000. (In Russian)
14. Lewin K. *Dynamic Psychology*. Moscow, Smysl Publ., 2001. (In Russian)
15. The myth about empire: cultural practices of our time [video of discussion]. Prokhorova, Guseinov, Aronson, Miller, Shaninka, Publ.: 2020, 9 Oct. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=bwPC0dHUxG4> (accessed: 27.10.2020). (In Russian)
16. Gaaze K. COVID-19 and the Future of Idleness. Gaaze K. et al. (eds). *Goodbye COVID?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020, pp. 301–325. (In Russian)
17. Merton R. Self-fulfilling prophecy (Thomas's Theorem). *Socioline.ru*. 9 Feb. 2008. Available at: <http://socioline.ru/node/828> (accessed: 29.10.2020). (In Russian)
18. Bazhanov V., Sho'ts R. V. (eds). *Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects*. Moscow, Navigator Publ., 2015. (In Russian)
19. Krastev I. *After Europe*. Moscow, Publishing house "Delo" RANEPa, 2018. (In Russian)
20. Gaaze K. et al. (eds). *Goodbye COVID?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. (In Russian)
21. Shulman E., Bepalova N. Nation States in a pandemic. In: Gaaze K. et al. (eds). *Goodbye, COVID?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020, pp. 216–230. (In Russian)
22. Kalinin I. (ed.). "Cold Civil War". *The split of the Hungarian society*. Moscow, New Literary Review Publ., 2009. (In Russian)
23. Epple N. V. *An Inconvenient Past: Memory of the State Crimes in Russia and Other Countries*. Moscow, New Literary Review Publ., 2020. (In Russian)
24. "Diletantskie chteniia" with Dmitry Bykov. *Nevox.TV*. 2018. 26 Dec. Available at: <https://ru-bykov.livejournal.com/3701411.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)
26. Zubarevich N. V. *Regions of Russia: inequality, crisis, modernization*. Moscow: Independent Institute for Social Policy Publ., 2010. (In Russian)
27. Dzyakovich E. V. *Local identities in the context of the socio-cultural dynamics of Russian regions: Abstract of Doctor's degree dissertation*. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts, 2011. (In Russian)
28. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York; London, 2006. Rus. ed.: Moscow: RIPOL klassik Publ., 2019.
29. Rogov K. (ed.). Grassroots modernization. Can society and the state move in different directions? *InLiberty*, 2018, 30 Nov. Available at: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/> (accessed: 04.01.2019). (In Russian)
30. Rubinstein S. L. The principle of creative spontaneous activity. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 4, pp. 88–96. (In Russian)
31. Asmolov A. G. *Optics of education: socio-cultural perspectives*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2012. (In Russian)
32. Grishina N. V. Psychology of change: Kurt Lewin's methodological proposals. In: Grishina N. V., Kostromina S. N. (eds). *Life Space in Psychology: Theory and Phenomenology*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 124–148. (In Russian)
33. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practice*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2005. (In Russian)
34. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, Polity, 2000. Rus. ed.: St. Petersburg, Piter Publ., 2008.
35. Harrison L., Huntington S. (eds). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York, 2000. Rus. ed.: Moscow: Moskovskaiia shkola politicheskikh issledovanii Press, 2002.
36. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. London, 1945. Rus. ed.: Moscow: Kul'turnaia initsiativa Publ., 1992.

Received: November 01, 2020

Accepted: December 10, 2020

Author's information

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; mguseltseva@mail.ru